

УДК 351.75.5:070

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-4-12-35

Последние цензоры: Владивостокская инспекция по делам печати в 1906–1917 гг.

Вадим Л. Агапов

*Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия, agarov_vl@mail.ru*

Аннотация. Статья основана на неопубликованных документах Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва): фонд 15762 «Владивостокский военно-цензурный пункт 1914–1917 гг.», Российского государственного исторического архива (г. С.-Петербург): фонд 776 «Главное управление по делам печати» (дела о службе Владивостокского инспектора по делам печати Н.В. Дюфура и его заместителя А.Н. Занковского), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток): фонд 24 «Владивостокский инспектор по делам печати». Показаны создание, финансирование и деятельность Владивостокской инспекции по делам печати в 1906–1917 гг. Дана характеристика основных сотрудников. Особое внимание обращено на отношения инспектора Н.В. Дюфура с подотчетной ему прессой и администрацией Приморской области. Делается вывод, что инспектор стремился к сотрудничеству власти с лояльной периодикой. Добиваясь от редакций газет строгого соблюдения закона, он защищал их от необоснованных преследований со стороны местной администрации, которые, по его мнению, только возбуждали общество. Из-за этого он нередко вступал в конфликты с военными губернаторами и вице-губернаторами. Эта политика потерпела крах в годы Первой мировой войны, когда инспекция по делам печати превратилась в орган по передаче редакторам газет циркуляров о запрещении освещения в печати тех или иных тем. Как и по всей стране, постепенно это привело к утрате возможностей для диалога и потере контроля власти за периодической печатью.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, Владивосток, чиновничество, периодическая печать, цензура

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2023 г.;

принята к публикации 29 июня 2023 г.

Для цитирования: Агапов В.Л. Последние цензоры: Владивостокская инспекция по делам печати в 1906–1917 гг. // История и архивы. 2023. Т. 5. № 4. С. 12–35. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-4-12-35

The last censors. Vladivostok Inspectorate for the Press in 1906–1917

Vadim L. Agapov

*Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia, agapov_vl@mail.ru*

Abstract. The article is based on unpublished documents of the Russian State Military Historical Archive (Moscow): fond 15762 “Vladivostok Military Censorship Station 1914–1917”, the Russian State Historical Archive (St. Petersburg): fond 776 “Main Directorate of Press Affairs” (files on the service of the Vladivostok press inspector N.V. Dufour and his deputy A.N. Zankovsky). Petersburg): fond 776 “Main Directorate for Press Affairs” (files on the service of Vladivostok Press Inspector N.V. Dufour and his deputy A.N. Zankovsky), Russian State Historical Archive of the Far East (Vladivostok): fond 24 “Vladivostok Press Inspector”. It shows the formation, financing and activities of the Vladivostok Press Inspectorate in 1906–1917 and gives a characterization of key staff members. Special attention is paid to the relations of Inspector N.V. Dufour with the reporting to him press and the administration of Primorsky Region. It is concluded that the inspector strove for cooperation between the authorities and the loyal periodicals. Enforcing strict observance of the law and regulations on the editorial offices of newspapers, inspector he tried to protect the media from unwarranted persecution on the part of the authorities, believing that unjustified punishment only excited the society against the government. Because of that, he often clashed with military governors and vice-governors. Such a policy failed during World War I, when the press inspectorate became a body for transmitting circulars to newspaper editors circulars on prohibition of covering certain topics in the press. As throughout the country, that gradually led to the loss of opportunities for dialogue and the loss of government control over the content of periodical press.

Keywords: Russian Empire, World War I, Vladivostok, bureaucracy, periodicals, censorship, periodicals

The article was submitted 1.02.2023;

accepted for publication 29.06.2023.

For citation: Agapov, V.L. (2023), “The last censors. Vladivostok Inspectorate for the Press in 1906–1917”, *History and Archives*, vol. 5, no. 4, pp. 12–35, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-4-12-35

Введение

Цензура на Дальнем Востоке России в конце XIX в. возникла одновременно с печатью, но поначалу была непрофессиональной. В роли цензоров выступали вице-губернаторы и их заместители, чиновники областных правлений. Как и в других регионах, они действовали по своему усмотрению и часто произвольно [Жирков 2014, с. 37–38]. Одной из главнейших их забот было освещение фактов местной жизни, «вовсе не имеющих политического значения, непременно с точки зрения, почему-либо удобной или выгодной администрации или лиц, близко к ней стоящих»¹. На их работу редакторы жаловались Приамурскому генерал-губернатору и даже в Санкт-Петербург [Бордаков 2013; Бордаков 2016].

Цензура ввозимой в край в больших количествах иностранной литературы, в том числе на восточных языках, была возложена на Конференцию владивостокского Восточного института [Бутырин 2016]. При этом никто из назначавшихся в цензуру преподавателей института не имел опыта работы в этой области, для них данные обязанности являлись лишь дополнительной нагрузкой, оплачиваемой отдельно [Бутырин 2015].

Решение о создании должности отдельного цензора в г. Владивостоке было принято еще в 1903 г. Но из-за начала в январе 1904 г. русско-японской войны и объявления военного положения реально выполнить его удалось лишь два года спустя и при других политических условиях. Указ «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г.² официально отменил предварительную цензуру [Жирков 2001, с. 190]. По мнению начальника Главного управления по делам печати А.В. Бельгарда, Временные правила о печати 1905–1906 гг. представляли собой «значительный шаг вперед» по сравнению с прежними законами [Патрушева 2012]. Введение системы карательной цензуры изменило характер работы цензоров и структуру цензурных учреждений. Увеличилась нагрузка по проверке текстов [Патрушева 2016]. Цензурные коми-

¹ *Святловский Е.В.* Из воспоминаний провинциального журналиста // В защиту слова: Сборник. СПб., 1905. С. 242.

² См.: Именной высочайший указ правительствующему Сенату – о временных правилах о повременных изданиях. 1905. 24 нояб. // Собр. узак. 1905 г. ноября 26, отд. I, ст. 1879.

тетты стали комитетами по делам печати, цензоры стали их членами, а должность отдельного цензора с 26 апреля 1906 г. была переименована в инспектора по делам печати³.

Новизна

Проблема становления института цензуры на Дальнем Востоке рассмотрена в диссертации М.А. Бордакова [Бордаков 2018]. Используя те же архивные источники, а также материалы периодической печати того времени, рассмотрим ее в контексте роли Главного управления по делам печати и его сотрудников в налаживании отношений между властью и обществом в России накануне и в годы Первой мировой войны.

Основными источниками послужили неопубликованные документы из фондов трех российских федеральных архивов:

- Российского государственного исторического архива Дальнего Востока: Фонд Приморского областного правления⁴, Фонд Владивостокского инспектора по делам печати⁵ и Фонд Канцелярии Приамурского генерал-губернатора⁶;
- Российского государственного военно-исторического архива: Фонд Владивостокского военно-цензурного пункта 1914–1917 гг.⁷;
- Российского государственного исторического архива: Фонд Главного управления по делам печати⁸.

Документы фондов содержат сведения о службе и характеристике чиновников Инспекции, отчеты о печати во Владивостоке,

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 392. Л. 34.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3545 («Дело об увеличении прибавочного жалования за выслугу лет статскому советнику Дюфуру»).

⁵ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1–39.

⁶ Там же. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488: Дело о введении и действии внутренней и иностранной военной цензуры; Д. 495: Переписка с подведомственными учреждениями по наблюдению за всеми печатными изданиями в Приамурском крае (1914–1917).

⁷ РГВИА. Ф. 15762. Оп. 1. Д. 1: Распоряжения, циркуляры, циркулярные письма местной военно-цензурной комиссии при штабе Приамурского военного округа; Д. 2: Переписка военных цензоров и наблюдающего за пунктом с местной военно-цензурной комиссией при штабе Приамурского военного округа.

⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 19: 1907 г. Д. 19: О службе и. д. инспектора по делам печати в гор. Владивостоке губернского секретаря Дюфура. Д. 45: О допущении Занковского к исполнению обязанностей Отдельного цензора по иностранной цензуре в г. Владивостоке...

возбуждении судебных преследований против газет, работе военно-цензурного пункта, переписку инспектора по делам печати с чинами местной администрации и Главным управлением по делам печати, циркуляры с перечнем сведений, оглашение которых в печати воспрещалось, и другие.

Сотрудники и организация Владивостокской инспекции по делам печати

Первым должностное лицо по внутренней цензуре по совместительству во Владивостоке принял на себя делопроизводитель канцелярии военного губернатора Г. Белоусов. Правда, занимался этой работой коллежский асессор меньше месяца, с 22 января по 12 февраля 1905 г. Позже эти обязанности выполнял Е.К. Аффанасович. В должности отдельного цензора (с апреля 1906 г. в должности инспектора по делам печати) он находился до июня 1906 г. Будучи военным судьей, прекрасно зная несколько европейских языков, он, кроме внутренней цензуры, вернул во Владивосток цензуру иностранную. Но и Г. Белоусов, и Е. Аффанасович были цензорами-совместителями: они продолжали выполнять свои обязанности по месту основной службы [Бордаков 2018, с. 93].

С 24 июня 1906 г. обязанности инспектора по делам печати были возложены на того, кто впоследствии исполнял их постоянно, – на временно исполняющего должность чиновника особых поручений Н.В. Дюфура, который, по мнению военного губернатора Приморской области В.Е. Флуга, поддержанному генерал-губернатором, «по своему образованию, развитию, знанию иностранных языков и служебной опытности вообще является вполне соответственным лицом для замещения должности». Официальное назначение на должность состоялось 17 февраля 1907 г.⁹

Николай Викторович Дюфур родился 20 июля 1878 г., происходил из бывших французских граждан, принявших подданство России. Окончил С.-Петербургскую гимназию Гуревича и (в 1901 г.) юридический факультет Императорского С.-Петербургского университета.

С 1 апреля 1902 по 1910 г. Дюфур периодически исполнял должность чиновника особых поручений и заведующего личной канцелярией военного губернатора Приморской области. В 1903 г. наблюдал за типографиями и книжной торговлей. С 1 августа 1903 г. стал столоначальником 3-го отделения Приморского областного

⁹ Там же. Оп. 23. 1907 г. Д. 19. Л. 1–2, 200.

правления¹⁰. Был членом Приморского областного по опекунам делам присутствия и делопроизводителем тюремного комитета по постройке Владивостокской гражданской тюрьмы, членом «Комиссии для перевода и цензуры отправляемых военными и частными лицами с театра войны телеграмм на иностранных языках в иностранные государства», членом комиссии по цензуре частных телеграмм в Никольск-Уссурийске, секретарем Приморского областного по городским делам присутствия.

Титулярный советник (18 декабря 1909 г.), коллежский асессор (22 декабря 1912 г.). Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, китайским орденом Двойного Дракона 3-й степени 2-го класса, медалью в память русско-японской войны. Женат на дочери личного почетного гражданина Надежде Евстигнеевне Поповой. Своих детей в семье не было, но пара усыновила родившуюся 26 мая 1911 г. крестьянскую девочку Веру, с присвоением ей фамилии Дюфура¹¹.

Помощником Дюфура во Владивостоке стал Анатолий Николаевич Занковский. Он родился 2 ноября 1880 г., из дворян, 10 мая 1908 г. окончил по 1-му разряду курс во владивостокском Восточном институте по японско-китайскому отделению¹². Еще студентом принимал участие в русско-японской войне в качестве переводчика на Владивостокском отряде крейсеров, был на флагманском крейсере «Россия» в морском бою в Корейском проливе 1 августа 1904 г. Имел боевые награды: серебряную медаль «За усердие» и знак отличия военного ордена (солдатский Георгиевский крест) 4-й степени «за мужество и самоотвержение, проявленное при перевязке и уходе за ранеными под сильнейшим огнем в бою с неприятельской эскадрой»¹³.

22 августа 1908 г. А. Занковский был назначен исполняющим обязанности отдельного цензора по иностранной цензуре (на восточных языках, преимущественно японском и китайском). Правда, через несколько лет он едва не потерял это место. В 1911 г. обнаружилось, что в 1908 г. он был замечен в некоей политической неблагонадежности, а в 1909 г., «по непроверенным формальным порядком сведениям, услуги китайскому и японскому правительствам в деле военной разведки». Министр внутренних дел П.А. Столыпин признал необходимым освободить Занковского

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3545. Л. 17.

¹¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. 1907 г. Д. 19. Л. 109–120, 157–170, 264–265.

¹² Там же. Оп. 23. 1908 г. Д. 45. Л. 9.

¹³ Приказы командующего флотом в Тихом океане № 92 от 16 июня 1904 г. и № 198 от 20 августа 1904 г. // Приказы командующего флотом в Тихом океане. Владивосток. 9 мая – 27 декабря 1904 г. Владивосток, 1904.

от исполнения обязанностей, начальник Главного управления по делам печати граф С.С. Татищев даже потребовал подать прошение об отставке. Но за Занковского вступился генерал-губернатор Н.Л. Гондатти¹⁴, и чиновник остался на своем посту. Он замещал инспектора Н.В. Дюфура во время его отпусков в 1912, 1913 и 1916 гг.¹⁵

Должность инспектора по делам печати не была высокооплачиваемой. Учрежденные в 1902 г. должности Владивостокского инспектора и письмоводителя при нем, положенные в V и IX классах Табели о рангах, оплачивались содержанием в 2000 и 500 руб. в год, наравне с таковыми же должностями в Томске и городах Европейской России, где они были положены, кроме Харькова, в VI классе. Половина из этого содержания составлял оклад жалованья чиновников, половина – так называемые столовые деньги¹⁶. Н. Дюфур имел жалованье, соответствующее должности, а не рангу, который был довольно низким: с 1909 г. – IX класс (титулярный советник), с 1912 г. – VIII (коллежский асессор). Он не один раз жаловался на недостаточность содержания и просил о прибавке¹⁷. Так, в 1908 г. он просил 25% прибавки к жалованью за прослуженные 5 лет в Приморской области начиная с 1 августа 1903 г., когда он был назначен столоначальником областного правления. Просимая прибавка в 250 руб. назначена в мае 1909 г. Вторая прибавка в размере 250 руб. в год за второе пятилетие назначена в июне 1914 г.¹⁸

В докладных записках инспектор по делам печати настаивал на дальнейшем увеличении жалованья. Наиболее подробно он мотивировал это в докладной записке для Главного управления по делам печати от 26 января 1912 г., где писал об увеличении объема работы: «Со времен учреждения во Владивостоке должности Инспектора по делам печати прошло почти 9 лет, в течение которых дело надзора за печатью значительно развилось: вместо издававшихся тогда двух газет выходит в городе 5–6 повременных изданий, вместо существовавших тогда четырех-пяти типографий на всю область, их обосновалось свыше двадцати, отсутствовавшая тогда неповременная печать увеличивается с каждым годом, незначительный ранее ввоз произведений иностранной печати значительно возрастает и увеличивается большими партиями граммофонных пластинок и кинематографических лент, представляемых в цензуру таможенными и почтовыми учреждениями».

¹⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. 1908 г. Д. 45. Л. 13, 34, 38, 44, 53, 54, 58.

¹⁵ Там же. Оп. 23. 1907 г. Д. 19. Л. 99, 138, 143, 223, 224.

¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

¹⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 23. 1907 г. Д. 19. Л. 48, 50, 59.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3545. Л. 1–27.

Увеличившийся объем работы заставил снять «специальную комнату для канцелярии и особое помещение для склада доставляемых на цензуру ящиков, посылок и тюков с произведениями иностранной печати», содержать специального служащего для разноски пакетов, вскрытия и запечатывания ящиков и пр., вследствие чего «расход в 3 раза превышает ассигнование». По словам инспектора, он мог выполнять свои обязанности только потому, что в бытность военным губернатором Флуга мог пользоваться, «благодаря сердечному отношению Его Превосходительства, бесплатной квартирой и получал иногда в виде поддержки добавочные вознаграждения из имевшихся в распоряжении Воен. Губ. сумм»¹⁹.

Свой опыт во главе инспекции по делам печати Н.В. Дюфур подытожил в записке на имя военного губернатора Приморской области, датирующейся 31 января 1914 г. [Агапов 2021б, с. 65]. В ней он сообщал, что «увеличение работы Владивостокской инспекции выразилось в следующих цифрах: 1) количество номеров газет и журналов в 1907 г. – 800, в 1913 г. – 1650, 2) число входящих номеров в 1907 г. – 365, в 1913 г. – 976, 3) число исходящих номеров в 1907 г. – 240, в 1913 г. – 3183. Приведенные цифры наглядно свидетельствуют, что работа становится для одного лица затруднительной». Дюфур невысоко в качественном отношении ставил «надзор, осуществляемый учреждениями и лицами, не причастными к Главному управлению по делам печати», и предлагал развернуть на базе Владивостокской инспекции «комитет по делам печати» из председателя, письмоводителя, секретаря и трех членов комитета²⁰.

Мнение инспектора было поддержано как военным губернатором Приморской области, так и Приамурским генерал-губернатором. Сведения об этой записке просочились в приморскую прессу²¹. Но практических шагов по созданию комитета сделано не было.

Характерно, что оба ответственных за печать владивостокских чиновника писали в Главное управление о расстроенном здоровье, утомлении глаз и развившейся близорукости²². Такое профессиональное заболевание Занковский называл причиной 3-месячного отпуска в 1914 г., а Дюфур – 6-месячного отпуска в 1916 г.

¹⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–4.

²⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2367. Л. 70–72, 74–75.

²¹ См.: Хроника: Комитет по делам печати // Русский Восток [Владивосток]. 1914. 20 марта (2 апр.). С. 3; Хроника: Комитет по делам печати // Уссурийский край [Никольск-Уссурийский]. 1914. 21 марта. С. 3.

²² РГИА. Ф. 776. Оп. 23: 1907 г. Д. 19. Л. 227; Там же. Оп. 23: 1908 г. Д. 45. Л. 71.

*Правовые основы деятельности
Владивостокской инспекции по делам печати*

Инспектор по делам печати был единственным на Дальнем Востоке профессиональным должностным лицом по делам печати [Бордаков 2018]. Благодаря этому в крае только Владивосток имел систему наблюдения за периодической печатью, в которой были все элементы, предусмотренные для этого законодательством [Агапов 2021б, с. 65].

Инспектор должен был также наблюдать за типографиями и непериодическими изданиями в других городах. Однако фактически типографии городов Амурской и Забайкальской областей не присылали на цензурный просмотр во Владивосток свои книги, журналы и другую печатную продукцию [Бордаков 2018, с. 94]. А надзор за типографиями, печатными изданиями и книжной торговлей во Владивостоке в 1914 г. был возложен на чиновника Особых поручений при военном губернаторе, окончившего Восточный институт И.Г. Горского²³.

Полномочия инспектора были ограничены также и в другом аспекте. По наблюдению М.А. Бордакова, правовой статус цензоров на Дальнем Востоке был занижен. Это происходило из-за военного положения, которое было введено в начале вооруженного конфликта с Японией в 1904 г. и действовало до конца Первой мировой войны [Бордаков 2018, с. 84]. Формально чиновник Главного управления по делам печати подчинялся только Главному управлению. Однако из-за сложившейся в крае обстановки фактически он вынужден был подчиняться также местным властям. Так, он был обязан обращаться с представлениями и донесениями к военным губернаторам Приморской области. За несоблюдение этого ему был сделан выговор. Кроме того, в марте 1912 г. по просьбе Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард приказал Н.В. Дюфуру обо всех своих соображениях сначала докладывать генерал-губернатору²⁴.

Впрочем, Н.В. Дюфур и дальше пытался проявлять самостоятельность. Военный губернатор генерал-лейтенант А.Д. Сташевский 31 декабря 1915 г. (13 января 1916 г.) писал в Канцелярию Приамурского генерал-губернатора, что инспектор уже год не является на доклады, «что приписываю полной его распушенности и тому, что он не занимается своим делом». 4(17) января 1916 г. канцелярия спросила Дюфура: «По каким причинам вы не являетесь к военному губернатору Приморской области для доклада в специально

²³ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 33.

²⁴ Там же. Оп. 23: 1907 г. Д. 19. Л. 101, 105, 130, 132.

назначенный для вас день недели?» Тот ответил, что обязан являться лишь по вызову: «В случае если означенное мое мнение оказалось бы ошибочным, покорнейше прошу дать мне соответствующее предложение». Ответом ему стала справка, подтверждавшая, что инспектору по делам печати следует являться к губернатору, так как он высшее должностное лицо, и к нему надо относиться с уважением [Агапов 2021б, с. 170]²⁵.

Инспектор должен был руководствоваться «Временными правилами», которые, как и циркуляры того времени, содержали довольно много отсылок к уголовному законодательству. Так, п. 5 ст. VIII «Временных правил» буквально следовал ст. 1034(4) Уложения о наказаниях, согласно которой уголовное преследование предусматривалось за «распространение посредством печати заведомо ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение» и «распространение посредством печати заведомо ложного, возбуждающего общественную тревогу о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии». По словам секретаря редакции старейшего в России либерального журнала «Вестник Европы» Л.З. Слонимского, в такой формулировке ст. 1034 «стала сплошь и рядом применяться к неприятным для начальства рассуждениям»²⁶.

После роспуска 3 июня 1907 г. II Государственной Думы в тот же день во всей империи были изданы в порядке чрезвычайной и усиленной охраны обязательные постановления о печати. В Приамурском крае действовало постановление Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера от 3 июня 1907 г. В нем объявлялось, что под страхом административной кары «1) воспрещается оглашение или публичное распространение каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к Правительству; <...> 4) воспрещается оглашение или публичное распространение: а) ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение, и б) ложных, возбуждающих общественную тревогу слухов о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии»²⁷.

На смену ему пришло «Обязательное постановление Приамурского генерал-губернатора, изданное на основании Правил

²⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 495. Ч. 2. Л. 445–448.

²⁶ Слонимский Л. Борьба с печатью // Вестник Европы. 1914. № 3. С. 309–315.

²⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 654. Л. 50.

о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» от 12 апреля 1912 г. за № 20. Оно было подписано генерал-губернатором Н.Л. Гондатти и действовало до марта 1917 г. Печати была посвящена ст. VIII, в которой воспрещалось «1) оглашение или публичное распространение статей и сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству, 2) восхваление преступного деяния или личности преступника, 3) оглашение или публичное распространение ложных слухов, 4) распространение произведений печати, подвергнутых аресту в законном порядке»²⁸.

Помимо составления отчетов для Главного управления, инспектор мог накладывать аресты на отдельные номера периодических изданий с одновременным возбуждением судебного преследования против виновных, когда в содержании номеров «заключаются признаки преступного деяния». Полномочия губернатора и генерал-губернатора в плане непосредственного воздействия на печать были гораздо больше. Они имели право подвергать виновных в нарушении постановления ответственных редакторов повременных изданий в административном порядке штрафам до 3000 руб. Пункт 14 ст. 19 Правил о местностях, объявленных на военном положении, предоставлял начальнику губернии право приостанавливать периодические издания на все время объявленного военного положения, которое в Приамурском крае действовало постоянно [Дударёнок, Агапов 2018, с. 140]. Только фактически пригласивший Дюфура на работу военный губернатор Приморской области генерал-майор Василий Егорович Флуг, по словам газеты «Текущий день», «за время своего губернаторства <с 1906 по 1909 г.> уморил до десятка газет»²⁹.

Деятельность Владивостокской инспекции по делам печати

Наличие во Владивостоке штатного инспектора по делам печати делало положение прессы в этом городе отличным от такового во всем остальном Приамурском крае. Благодаря ему Главное управление по делам печати было лучше информировано о периодических изданиях, выходящих в городе.

Говоря о количественном составе прессы, инспектор подсчитал, что в 1910 г. во Владивостоке выходили 15 периодических изданий,

²⁸ Там же. Оп. 3. Д. 426. Л. 80–81.

²⁹ Хроника: Генерал Флуг // Текущий день [Владивосток]. 1913. 4 янв. С. 2.

включая 8 ежедневных газет (три из которых в том же году и прекратились). При этом он считал, что среди них лишь три настоящие газеты («Дальний Восток», «Далекая окраина» и «Океанский вестник»). Остальные пять газет он назвал «неудачными попытками конкурировать с указанными тремя изданиями»³⁰. На 3 марта 1914 г. им дан список из семи изданий, включая пять ежедневных газет, еженедельный журнал «Дальневосточный мир» и «Владивостокские епархиальные ведомости» [Агапов 2015, с. 81]³¹.

Не меньшую информированность живший во Владивостоке с 1902 г. инспектор проявлял, когда говорил о типе и направлении изданий. Направление старейшей в городе газеты «Дальний Восток» (основана в 1892 г.) он характеризовал как «примыкающее к крайним правым», а ее редактора В.А. Панова – как бескомпромиссного публициста, «способного доставить администрации больше хлопот, чем самые крайние левые». По его мнению, Панов «настроен оппозиционно по отношению к высшей администрации края» и слишком «самостоятелен и не подчиняется влиянию администрации»³².

Историю газеты «Далекая окраина» он излагал так (в секретной записке для полиции от 3 марта 1910 г.): ««Восток» издавался во Владивостоке в 1906 г. и был приостановлен в административном порядке, после чего преобразован в «Восточную окраину»... Приостановленная в том же порядке газета была преобразована в «Окраину»... После приостановления ее в 1907 г. она стала именоваться «Далекой окраиной»...»³³. В последующие годы, когда издателем газеты стал Д.П. Пантелеев, Дюфур писал, что «Далекую окраину» редактирует сам издатель, который сам «лично никакой из себя величины не представляет», к нему «применимо личное воздействие администрации». При этом он признавал «Далекую окраину» «лучшей и наиболее серьезной местной газетой» либерального направления, придерживавшейся вполне корректного тона, «изредка, по недосмотру г. Пантелеева, переходящего в более резко выраженную оппозиционную нотку»³⁴.

Критическое мнение высказывал инспектор о газете «Текущий день» (основана в 1910 г.): «Определенного направления не имеет, занята исключительно травлей отдельных лиц. Существует на объвления и на опубликовываемые иногда сенсационные статьи, увеличивающие розничную продажу... К изданию применимо название

³⁰ РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10. Л. 139–140, 142 об.

³¹ Там же. Д. 11. Л. 26 об., 30–35 об.

³² Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10. Л. 141; Д. 11. Л. 28, 34.

³³ Там же. Д. 9. Л. 15.

³⁴ Там же. Д. 11. Л. 26 об., 28, 28 об., 30 об., 34, 37 об.

“хулиганского” листка. Крайне желательно воздействие на редактора в административном порядке»³⁵.

О газете «Приморский край» Дюфур сообщал, что она «находится в руках группы лиц, сомнительных в политическом отношении... и должна быть признана наиболее вредной в смысле пропаганды противоправительственных идей», «фактическим руководителем газет “Восток” и “Приморский край” является Н.П. Матвеев, местный домовладелец, бывший член управы, имеющий тёмное политическое прошлое»³⁶.

О газете «Русский Восток» Дюфур писал, что она «принадлежит группе членов Бирж. Комитета, преследующих русификацию края. Эта цель является краеугольным камнем программы и направления газеты. Главный начальник края (Приамурский генерал-губернатор. – В. А.] полагает, что “Русский Восток” может, впоследствии укрепившись, принести пользу в освобождении области от экономического завоевания ее Китаем»³⁷.

«Полезность» или «вредность» газеты служила для инспектора критерием, по которому он решал, насколько строго следует относиться к ее контенту и возможным нарушениям законов и обязательных постановлений в тех или иных публикациях.

Весной 1910 г. Дюфур не усмотрел признаков преступления в опубликованных в газетах «Океанский вестник» и «Далекая окраина» «статьях тенденциозного характера», в которых, по мнению начальника Владивостокского охранного отделения И.Е. Хуциева, «проглядывает тенденция распространения в населении социал-демократической идеи»³⁸. Осенью по поводу наложенных на газету «Океанский вестник» (будущий «Русский Восток») военным губернатором штрафов³⁹ инспектор по делам печати писал в Главное управление по делам печати, что «наложенные на редактора в административном порядке 4 штрафа на общую сумму 400 рублей не должны давать представления о том, что газета эта беспокойна, так как взыскания были наложены больше в целях устрашения, чем в виде репрессий, и не вызывались действительной надобностью»⁴⁰.

Военный губернатор Приморской области считал, «что существующее в области и городе военное положение предоставляет ему право применять все меры, какие он признал бы необходимым применить». В письме в Главное управление от 22 февраля 1911 г.,

³⁵ РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 28 об.

³⁶ Там же. Л. 28 об., 38 об.

³⁷ Там же. Л. 34, 34 об.

³⁸ Там же. Д. 9. Л. 50, 51, 53.

³⁹ Там же. Л. 52, 80, 81, 83.

⁴⁰ Там же. Д. 10. Л. 141об.

запрашивая разъяснения этой ситуации, Дюфур сначала написал, что «повременные издания, выходящие в г. Владивостоке, придерживаются всегда вполне приличного тона и совершенно недостойны тех крутых мер, которые применяются в отношении их администрацией. Смею даже думать, что некоторые меры лишь возбуждают против администрации как редакторов, так и население»⁴¹. В черновике письма эта мысль вычеркнута автором, который в конце концов не рискнул высказываться откровенно [Агапов 2021б, с. 67]⁴².

В январе 1913 г. Дюфур снова попытался заступиться за «Далекую окраину», вызвавшую неудовольствие властей публикацией статьи о Макарии, митрополите Московском и Коломенском. По его словам, «весь тон статьи и самая обрисовка личности митр. Макария» в публикации «Далекой окраины» «исключают возможность применить к редактору пункт обязательного постановления о сообщении ложных сведений, возбуждающих враждебное отношение к данному лицу». При этом «левую» газету «Приамурский край» за эту же самую публикацию он считал заслуживающей административного наказания. Заступничество не помогло, исполняющий обязанности военного губернатора вице-губернатор В.И. Лодыженский решил, что ответственность понесут обе [Дударёнок, Агапов 2018, с. 144]. Редакторы-издатели Д.П. Пантелеев и Г.И. Антипа были оштрафованы на 200 руб. с заменой арестом на 15 сут. (первый выплатил штраф, второй отбыл свой срок заключения)⁴³.

Таковыми же двойными стандартами инспектор руководствовался, когда речь шла о газетах правого направления. В 1910 г. газета «Дальний Восток» опубликовала статью «Юбилейные торжества», в которой был «помещен текст телеграммы на имя Его Императорского Величества Государя Императора», «посланной городским головою от населения города»⁴⁴. Тут уже инспектор просил привлечь редактора газеты к ответственности на основании ст. 1024 Уложения о наказаниях за напечатание телеграммы (вполне верно-подданной) без разрешения губернатора⁴⁵. Дело было возбуждено, затем прекращено, а редактор Панов после этого считал Дюфура своим личным врагом, что сказалось потом в начале Первой мировой войны⁴⁶.

⁴¹ Там же. Л. 74.

⁴² РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 2: 1909. Д. 130. Л. 12.

⁴³ РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 27. Л. 4, 5.

⁴⁴ Панов В. Тройственный союз // Дальний Восток. 1917. 15 апр. С. 2.

⁴⁵ РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Л. 78; РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1892 г. Д. 18. Л. 91.

⁴⁶ Панов В. Указ. соч. С. 2.

Сам владивостокский инспектор по делам печати не отличался количеством инициированных уголовных преследований. Согласно ведомости 1914 г., число возбужденных и отправленных в суд дел за шесть лет работы владивостокской инспекции составило 14 единиц (в том числе 7 – в 1907 г., во время революционных событий) [Бордаков 2018, с. 114, 188]. В среднем каждый год по инициативе Дюфура судебному преследованию подвергался один издатель, что значительно уступает количеству наказаний, налагавшихся на приморскую печать военным губернатором и генерал-губернатором. Однако те случаи, которые известны нам из фонда инспектора в РГИА ДВ, показывают, какие именно публикации считал нежелательными даже либерально настроенный чиновник Главного управления по делам печати.

19 февраля 1911 г. газета «Океанский вестник» опубликовала статью «Немного истории», посвященную 50-летию отмены крепостного права. Лейтмотивом ее была мысль, что «одним из главных активных фактов уничтожения крепостничества является само крестьянство», непрекращающиеся восстания которого вынудили императора Александра II начать реформы⁴⁷. Получив из типографии первые вышедшие номера, Дюфур сразу же потребовал от полиции наложить арест на весь тираж, «не допуская, по возможности, выпуска его из типографии», поскольку все содержание статьи «клонится к умалению великого акта освобождения... и побуждает признать, что акт этот явился вынужденным», и поэтому она может растлевающе действовать на население и «является одним из видов противоправительственной пропаганды». При этом он просил окружной суд не возбуждать уголовного преследования против редактора газеты, ограничившись утверждением судом ареста тиража. Однако полиция действовала вяло, и большая часть тиража успела разойтись среди читателей, «из 2000 выпущенных в тот день типографией № “Океанского вестника” конфисковано лишь 411, из коих 37 отобраны на улицах у разносчиков». Арест этих номеров был утвержден Владивостокским окружным судом 18 апреля [Агапов 2021а, с. 312]⁴⁸.

23 августа 1912 г. «Далекая окраина» опубликовала статью «Идея конституции», в которой говорилось, что конституция – не парламент, а наличие и судебная охрана прав граждан, «барьер, которого агенты власти переходить не могут под страхом уголовной ответственности». Таким образом, парламент – лишь «высший орган охраны гражданских прав». При этом в статье подразумевалась

⁴⁷ Там же. Л. 5–6; Немного истории // Океанский вестник. 1911. 19 февр.

⁴⁸ РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–11.

лось, что так как в России гражданские права до сих пор не защищены от посягательств власти, то и конституции в стране нет⁴⁹. Инспектор наложил арест на этот номер газеты, написав в объяснении прокурору Владивостокского окружного суда, что усматривает в статье «порицание установленного Основными Государственными Законами образа правления посредством восхваления конституционных начал, проведение которых в жизнь государства автор признаёт необходимым... Прикрываясь пониманием конституции как соединение прав граждан с участием их представителей в издании законов, автор... тем самым призывает к ограничению прав Монарха и изменению установленного... образа правления»⁵⁰. Номера газеты были конфискованы полицией, а редактор (Н.А. Немирович-Данченко) был привлечен к ответственности по суду [Агапов 2021а, с. 314]⁵¹.

В тех случаях, когда инспектору по делам печати приходилось действовать совместно с властями края, его роль заключалась либо в информировании губернатора и генерал-губернатора, либо в передаче издателям и редакторам указаний начальства. Ярче всего это проявилось во время Первой мировой войны.

Первая мировая война и военная цензура

В конце июля 1914 г. военный губернатор Приморской области генерал-лейтенант А.Д. Сташевский разрешил всем желающим печатать информационные бюллетени С.-Петербургского телеграфного агентства при условии ограничения цены бюллетеней в 3 коп.⁵² Дюфур передал требование редакторам. Панов по телефону ответил, что ему это безразлично и незаконного требования он не исполнит. В итоге, как считал редактор «Дальнего Востока», по доносу Дюфура он был вызван к губернатору⁵³ и выслан из Владивостока как человек, «вредный для общественного спокойствия»⁵⁴.

24 августа 1914 г. крайне правый «Русский Восток» (бывший «Вестник океана») перепечатал из С.-Петербургской газеты «Свет» статью Далинского «На Дальнем Востоке». Это был печатный донос

⁴⁹ См.: А. В-в. Идея конституции // Далекая окраина. 1912. 23 авг. С. 2.

⁵⁰ РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 15. Л. 45, 46.

⁵¹ Хроника // Далекая окраина. 1912. 24 авг. С. 3.

⁵² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 89. Л. 257; РГВИА. Ф. 15 762. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

⁵³ См.: Панов В. Указ. соч. С. 2.

⁵⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 482. Л. 8–10, 13–14, 26.

на немецкий торговый дом «Кунст и Альберс»⁵⁵, чьи представители «скупили газеты с означенной статьей», но с разрешения военного губернатора, она, «ввиду ее патриотичности», пущена в продажу «отдельными оттисками». Представление инспектора о привлечении Липовецкого к ответственности «за выпуск в свет неповременного издания без представления узаконенного числа экземпляров Инспекции и без обозначения типографии и адреса оной» осталось без последствий⁵⁶. Военный губернатор Приморской области А.Д. Сташевский отнесся с сочувствием к публикации черносотенной листовки, что позволяет судить о настроениях областной администрации [Агапов 2021б, с. 212].

В октябре 1914 г. Дюфур, несмотря на убеждение редактора Панова во враждебности к его изданию, попытался вступить за газету «Дальний Восток», обвиненную в напечатании заметки о неявке запасных на сборный пункт в г. Никольск-Уссурийском, т. е. в разглашении информации о ходе мобилизации. Расследование показало, что «означенная заметка в газете “Дальний Восток” <№ 206> перепечатана из газеты “Уссурийский край”, в последней же она была помещена по распоряжению местного полицмейстера» «с целью более широко оповестить собравшихся в городе запасных». Инспектор по делам печати писал, что сначала нужно привлечь к ответу «Уссурийский край», но это неправильно, ибо помещенная в ней заметка из официального источника [Агапов 2018, с. 115]. В Канцелярии генерал-губернатора, однако, с этим не согласились. Генерал-губернатор Н.Л. Гондатти писал военному губернатору Приморской области: «Редактор газеты “Дальний Восток” безусловно подлежит привлечению к судебной ответственности п. 275/2 ст. Улож. о наказ.»⁵⁷.

30 ноября 1914 г. инспектор направил Н.Л. Гондатти номер газеты «Дальневосточный мир» со статьей «Местная печать», направленной против газеты «Русский Восток» и содержащей намек, что издание проводит консервативные взгляды Приамурского генерал-губернатора (что, собственно, отмечал и сам инспектор в отчете, составленном за полгода до этого)⁵⁸. Генерал-губернатор наложил резолюцию: «Газета вообще подозрительная, надо принять против нее меры. Пока к делу»⁵⁹. Терпения главного начальника края хва-

⁵⁵ *Далинский*. На Дальнем Востоке // Русский Восток. 1914. 24 августа (6 сентября). С. 2.

⁵⁶ РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 31. Л. 32–35.

⁵⁷ Там же. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 90–107, 118–119.

⁵⁸ Местная печать // Дальневосточный мир [Владивосток]. 1914. 30 нояб. С. 4–5.

⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 495. Ч. 1. Л. 224.

тило ненадолго, и за очередной выпад против черносотенного «Русского Востока» в статье «Без заглавия»⁶⁰ газета «Дальневосточный мир» 12 декабря закрыта постановлением приамурского генерал-губернатора. Издатель П.Н. Макаев возобновил приостановленный в апреле еженедельный журнал с таким же названием: «Дальневосточный мир». Первый номер журнала, не отличавшийся от газеты, вышел 13 декабря, второй – на следующий день. Инспектор счёл это «проявлением глумления над распоряжением правительственной власти». Генерал-губернатор постановил окончательно закрыть «Дальневосточный Мир» [Агапов 2015, с. 86–87]⁶¹.

Во время войны одной из функций инспекторов по делам печати была передача редакторам периодических изданий циркуляров министра внутренних дел, Главного управления по делам печати, военного министра, Главной военно-цензурной комиссии при Генеральном штабе, запрещавших публичное обсуждение тех или иных вопросов. Широкой общественности о них не было известно – инспекторы доводили их для руководства только ответственным редакторам газет под расписку [Агапов 2021б, с. 76]. Кроме того, в 1915 г. на страницах газет, обычно в печатавшихся на первых полосах той же «Далекой окраины» военных обзорах, начали появляться «белые пятна». Такое явление, показывающее, что страна частично вернулась к предварительной цензуре, наблюдалось в газетах по всей стране [Блохин, Алфёрова 2016]. Вполне вероятно, эту работу тоже выполняли опытные сотрудники инспекции по делам печати.

Дополнительным фактором в деятельности Владивостокской инспекции по делам печати стало создание военной цензуры. Приказом войскам Приамурского округа № 567 от 14 августа 1914 г. была создана местная военно-цензурная комиссия при штабе Приамурского военного округа под председательством полковника Б.В. Оверина⁶². В прифронтовых районах военными цензорами становились офицеры, плохо подготовленные для выполнения подобных задач [Блохин 2019]. На Дальнем Востоке военное командование первоначально поступило так же. В августе–сентябре 1914 г. военный губернатор Приморской области А.Д. Сташевский неоднократно просил назначить Дюфура военным цензором во Владивостоке⁶³.

Однако только 4 ноября 1915 г. Н.В. Дюфур после его многочисленных прошений был официально назначен военным цензором

⁶⁰ Макаев П. Без заглавия // Дальневосточный мир. 1914. 6 дек. С. 2.

⁶¹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2337. Л. 16, 18, 19, 26, 28, 32–32 об.

⁶² Там же. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 24.

⁶³ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2386. Л. 108, 109, 111, 112.

и получил доплату 3 руб. в сутки⁶⁴. Затем он стал добиваться выдачи ему суточных со времени введения военной цензуры в 1914 г. и добился этого. Но работа военного цензора совершенно не касалась периодической печати, так как в этой должности Дюфур в основном занимался проверкой изданий на иностранных языках, присланных содержащимся в Приморской области военнопленным. В частности, только с 1 по 15 января 1916 г. он рассмотрел 1318 отправок (1089 простых и 229 заказных), заключавших 4722 издания, из которых задержано и уничтожено 850⁶⁵.

Такой объем нагрузки крайне отрицательно сказался на работе единственного в крае инспектора по делам печати по цензурированию периодики. Фактически он перестал строго контролировать периодическую печать, тем более что большинство владивостокских газет к концу 1915 г. прекратили свое существование. Поэтому, когда в конце 1915 г. в либеральной «Далёкой окраине» была напечатана статья «Из недавнего прошлого», содержащая отрывок из запрещенных в России воспоминаний Илиодора и нарушавшая постановление не писать о Распутине, инспектор не отреагировал на это нарушение (то ли не придал значения, то ли не заметил, хотя не исключен вариант и намеренного сокрытия), чем вызвал против себя целый поток писем военного губернатора⁶⁶.

Когда Дюфур отсутствовал из-за отпуска, заменявший его Занковский проявлял большую бдительность в отношении «Далёкой окраины». 23 мая 1916 г. газета в заметке «Морской бой» перепечатала официальное сообщение Британского Адмиралтейства о Ютландском морском сражении 18(31) мая. К заметке была добавлена редакторская справка с тактико-техническими характеристиками (размеры, водоизмещение, скорость хода, вооружение) погибших британских кораблей и подчеркнуто, что это «дредноуты». Хотя данные были взяты из довоенных справочников, исполняющий должность инспектора по делам печати А.Н. Занковский посчитал, что был нарушен п. 25 Перечня сведений, оглашение которых в печати воспрещается⁶⁷ (в пятой редакции от 31 июля 1915 г.), запрещавший оглашение сведений «о потерях в личном и материальном составе армии и флота, о фамилиях выбывших из строя, с указанием номера части или названия корабля...»⁶⁸. Оказалось, что дополнение официальных сообщений данными из довоенных несекретных справочников может быть небезопасно для газет

⁶⁴ Там же. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 219, 231.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 15 762. Оп. 1. Д. 2. Л. 5, 97, 108.

⁶⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 495. Ч. 2. Л. 435, 440, 443.

⁶⁷ Там же. Д. 488. Л. 355–356.

⁶⁸ *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке, 1916. Минск, 2003. С. 44–46.

и их редакторов. Неудивительно, что историки цензуры периода Первой мировой войны подчеркивают ее губительное влияние на настроения тыла, называя цензуру «гасильником народного духа» [Алфёрова, Блохин 2017].

В другой раз в «Далёкой окраине» появилась заметка в 13 слов: «Сегодня в “Чашке чая” будет играть оркестр балалаечников гвардейского экипажа с крейсера “Варяг”». А.Н. Занковский обнаружил в заметке нарушение п. 5 Военного перечня, так как из нее враг узнает о присутствии во Владивостоке крейсера «Варяг» (который был выкуплен Россией у Японии). При всей абсурдности подобного подозрения за публикацию секретных сведений предусматривалось наказание в виде «заключения в тюрьме на время от двух до восьми месяцев»⁶⁹. 23 июля 1916 г. было возбуждено судебное преследование⁷⁰.

Однако, как и Дюфур, Занковский параллельно с наблюдением за периодикой занимался и военной цензурой, которая отнимала у него все больше времени. 25 февраля 1916 г. он просил об официальном назначении его военным цензором и был утвержден 16 августа 1916 г. с выдачей денег со дня введения на Дальнем Востоке военной цензуры, т. е. с 14 августа 1914 г.⁷¹ Очевидно, что и Дюфур, и Занковский были материально заинтересованы в такой дополнительной нагрузке. В 1916 г. в отдельные дни в цензурный пункт Владивостока поступало до 10 000 писем [Бордаков 2018, с. 152].

Получилось так, что эту работу Дюфуру и Занковскому пришлось выполнять дольше, чем свою работу по надзору за периодической печатью. 27 апреля 1917 г. специальным постановлением Главного управления по делам печати комитеты по делам печати, должности инспекторов по делам печати, типографий, торговли были упразднены. При этом гражданская цензура периодических и неповременных изданий переставала существовать, а вот военная осталась, но ее задача заключалась только в охране военной тайны. Постановление «О специальной военной цензуре в печати» закрепляло и норму, по которой контроль над информацией сохранялся лишь на время военных действий до подписания мирного договора. Уже в апреле цензор А.Н. Занковский сдал все дела по цензуре печати на восточных языках в архив Главного управления. Н.В. Дюфур также был выведен за штат Главного управления и прекратил выполнять работу в первой половине 1917 г. [Бордаков 2018, с. 156].

⁶⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 495. Ч. 2. Л. 356–357.

⁷⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 2: 1907 г. Д. 121. Л. 64–66, 71.

⁷¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 488. Л. 372–373.

Заключение

Владивостокский инспектор по делам печати существовал на Дальнем Востоке в 1906–1917 гг. наряду с уже имевшимися в регионе органами контроля за печатью (военными губернаторами, генерал-губернатором) как некая параллельная инстанция, «глаза и уши» столичного Главного управления по делам печати. За этот период, пока в Приморской области сменилось пять военных губернаторов, обязанности инспектора выполнял один и тот же чиновник – Николай Дюфур. В отношениях между местной прессой и администрацией он занимал среднее положение, т. е., с одной стороны, он добивался от печати строгого соблюдения законов, но, с другой стороны, стремился защитить газеты от произвольных преследований, считая, что это только настраивает редакторов и население против власти. Имея ограниченные полномочия, он в своей деятельности по надзору за печатью руководствовался не только постановлениями и циркулярами, но и практическими соображениями. Периодические издания инспектор оценивал с точки зрения их готовности сотрудничать с властью. Поэтому он считал «вредными» лишь те из них, в которых видел пропаганду «противоправительственных идей» или открытое противодействие администрации, а «лучшими» называл газеты, придерживающиеся корректного тона или способные принести «пользу».

В какой-то степени такая позиция инспектора, неоднократно заставлявшая его вступать в определенное противостояние с военными губернаторами, определялась его личными симпатиями (что видно по его отношениям с редакциями «Дальнего Востока» и «Далекой окраины»). Но также здесь можно увидеть следование политике Главного управления по делам печати, пытавшегося в новых исторических условиях способствовать диалогу власти и лояльных слоев общества.

Такая компромиссная политика потерпела крах в годы Первой мировой войны, когда Владивостокская инспекция по делам печати превратилась в орган по передаче редакторам газет циркуляров о запрещении освещения в печати тех или иных тем (что, как и по всей стране, постепенно привело к утрате возможностей для диалога и потере контроля власти за периодической печатью).

Литература

Агапов 2021а – Агапов В.Л. Борьба прессы и администрации в Приморской области накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 308–331.

- Агапов 2021б – *Агапов В.Л.* Дальневосточная пресса и Первая мировая война: Дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2021. 428 с.
- Агапов 2015 – *Агапов В.Л.* Газетный мир Владивостока в период Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (32). С. 80–90.
- Агапов 2018 – *Агапов В.Л.* «Последняя война» и владивостокская пресса (1914 г.) // Исторические записки. 2018. Вып. 17 (135). С. 82–121.
- Алфёрова, Блохин 2017 – *Алфёрова И.В., Блохин В.Ф.* «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 63–84.
- Блохин, Алфёрова 2016 – *Блохин В.Ф., Алфёрова И.В.* Преданье административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Новый исторический вестник. 2016. № 3 (49). С. 32–48.
- Блохин 2019 – *Блохин В.Ф.* Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. № 3 (61). С. 29–43.
- Бордаков 2013 – *Бордаков М.А.* Особенности организации и контроля над периодической печатью на Дальнем Востоке России в начале XX в. // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 2 (63). С. 76–84.
- Бордаков 2018 – *Бордаков М.А.* Становление и развитие института цензуры на Дальнем Востоке России в 1901–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2018.
- Бордаков 2016 – *Бордаков М.А.* Становление первой цензурной службы на Дальнем Востоке России в 1901–1905 гг. // Преподавание истории в школе. 2016. № 7. С. 63–66.
- Бутырин 2015 – *Бутырин Д.А.* Деятельность Восточного института в цензуре иностранной печати (1901–1904 гг.) // Россия и АТР. 2015. № 4 (90). С. 155–168.
- Бутырин 2016 – *Бутырин Д.А.* Цензор из Восточного института // Известия Восточного института. 2016. № 1 (29). С. 4–12.
- Дударёнок, Агапов 2018 – *Дударёнок С.М., Агапов В.Л.* Под защитой администрации: православная церковь и приморская пресса в 1910–1916 гг. // Россия и АТР. 2018. № 2 (100). С. 133–154.
- Жирков 2014 – *Жирков Г.В.* Журналистика России: от золотого века до трагедии: 1900–1918 гг. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2014. 382 с.
- Жирков 2001 – *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. 368 с.
- Патрушева 2012 – *Патрушева Н.Г.* Начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард о цензуре в России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2 (11). С. 78–82.
- Патрушева 2016 – *Патрушева Н.Г.* Цензурные учреждения Российской империи и система карательной цензуры в начале XX в. // Труды Санкт-Петербургского института культуры. 2016. Т. 213. С. 79–84.

References

- Agapov, V.L. (2021), *Dal'nevostochnaya pressa i Pervaya mirovaya voina* [Far Eastern press and World War I], D. Sc. Thesis (History), Vladivostok, Russia.
- Agapov, V.L. (2018), “‘The last war’ and Vladivostok press (1914)”, *Istoricheskie zapiski*, vol. 135, iss. 17, pp. 82–121.
- Agapov, V.L. (2021), “The struggle between the press and administration in Primorskaya oblast (province) on the eve of World War I (1910–1914)”, *Tomsk State University Journal of Philology*, no. 72, pp. 308–331.
- Agapov, V.L. (2015), “Vladivostok press during World War I (1914–1916)”, *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities researches in the Russian Far East], vol. 32, no. 2, pp. 80–92.
- Alferova, I.V. and Blokhin, V.F. (2017), “‘Extinguisher of the people's spirit’. Censorship restrictions in covering the heroism of front-line soldiers during World War I”, *The New Historical Bulletin*, vol. 53, no. 3, pp. 63–84.
- Blokhin, V.F. and Alferova, I.V. (2016), “Tradition of administrative antiquity. ‘Blank spots’ on the pages of Russian newspapers (the second half of the 19th century – 1917)”, *The New Historical Bulletin*, vol. 49, no. 3, pp. 32–48.
- Blokhin, V.F. (2019), “Military censorship of the Minsk Military District and the beginning of World War I”, *The New Historical Bulletin*, vol. 61, no. 3, pp. 29–43.
- Bordakov, M.A. (2016), “Becoming the first censorship service in the Far East of Russia in 1901–1905”, *Prepodavanie istorii v shkole*, no. 7, pp. 63–66.
- Bordakov, M.A. (2018), *Stanovlenie i razvitie instituta tsenzury na Dal'nem Vostoke Rossii v 1901–1917 gg.* [Formation and development of the institution of censorship in the Far East of Russia in 1901–1917], Ph.D. Thesis (History), Vladivostok, Russia.
- Bordakov, M.A. (2013), “Features of the organization and control over the periodicals in the Far East of Russia at the beginning of the 20th century”, *Power and administration in the East of Russia*, vol. 63, no. 2, pp. 76–84.
- Butyrin, D.A. (2015), “Activity of the Oriental Institute connected with foreign press censorship (1901–1904)”, *Russia and the pacific*, vol. 90, no. 4, pp. 155–168.
- Butyrin, D.A. (2016), “Censor from the Oriental Institute”, *Oriental institute journal*, vol. 29 no. 1, pp. 4–12.
- Dudarenok, S.M. and Agapov, V.L. (2018), “Under the protection of the authorities. The Orthodox Church and periodical press in the Primorye region in 1910–1916”, *Russia and the pacific*, vol. 100, no. 2, pp. 133–154.
- Patrusheva, N.G. (2016), “Censorship institutions of the Russian Empire and the system of punitive censorship at the beginning of the 20th century”, *Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta kul'tury*, vol. 213, pp. 79–84.
- Patrusheva, N.G. (2012), “Head of the General Press Department Aleksei V. Belgard on the censorship in Russia”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*, vol. 11, no. 2, pp. 78–82.
- Zhirkov G.V. (2001), *Istoriya tsenzury v Rossii* [History of censorship in Russia. 19th – 20th cc.], Aspect Press, Moscow, Russia.

Zhirkov, G.V. (2014), *Zhurnalistika Rossii: ot zolotogo veka do tragedii. 1900–1918 gg.* [Russian journalism. From the golden age to tragedy. 1900–1918], Institut komp'yuternykh issledovaniy, Izhevsk, Russia

Информация об авторе

Вадим Л. Агапов, доктор исторических наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия: 690922, Россия, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10, корп. F; agarov_vl@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2540-133X

Information about the author

Vadim L. Agapov, Dr. of Sci. (History), Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; bldg. F, bld. 10, t. Ayax, Russkii Isl., Vladivostok, Russia, 690922; agarov_vl@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2540-133X